

THE NEW YORK TIMES BESTSELLER

СОНАЛИ ДЕРАНЬЯГАЛА

ВОЛНА

18+

О НЕМЫСЛИМОЙ ПОТЕРЕ
И ИСЦЕЛЯЮЩЕЙ СИЛЕ ПАМЯТИ

Сонали Дераньягала
Волна. О невысмыслимой потере
и исцеляющей силе памяти
Серия «МИФ Культура»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58114899

*Сонали Дераньягала. Волна. О невысмыслимой потере и исцеляющей силе
памяти: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2020*

ISBN 978-5-00169-184-6

Аннотация

Одна из 50 лучших книг-мемуаров и биографий всех времен по версии New York Times и Goodreads. Пронзительная хроника невообразимой потери и долгого мучительного исцеления. Мы открываем книгу – и волна накрывает нас: 9 метров высотой, со скоростью 40 км в час, она выносит нас на 3 километра вглубь побережья. И оттуда же вглубь отчаяния автора: воскресным утром 26 декабря 2004 года, во время цунами на юго-восточном побережье Шри-Ланки, Сонали Дераньягала потеряла родителей, мужа и двоих сыновей, а сама чудом выжила. В этой мужественной и честной книге воспоминаний она описывает тяжелые дни после трагедии и долгий путь, пройденный с тех пор: первые месяцы столкновения с реальностью, которую невозможно ни принять, ни отрицать;

затем годы медленного, неохотного исцеления, когда в памяти уже можно воскресить прежнюю радостную и полную жизнь – обжитой и уютный дом в Лондоне, рождение детей, встречу с будущим мужем в университете, детство в Коломбо. Вместе с рассказчицей нам все время приходится балансировать на грани между невыносимым напоминанием о потере и стремлением сохранить в душе любимые образы. Перебирая воспоминания, Сонали находит в них не горечь утраты, а источник тепла и света, который помогает создать и сохранить образы родных любимых людей. Вместе с потерей наконец приходит и возрождение. Поразительная история – тонкая и в то же время необычайно сильная. *На русском языке публикуется впервые.*

Содержание

Отзывы	7
Один	10
Шри-Ланка, национальный парк «Яла», 26 декабря 2004 года	10
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сонали Дераньягала Волна. О немыслимой потере и исцеляющей силе памяти

*Издано с разрешения автора и Trident Media Group, LLC
in conjunction with The Van Lear Agency, LLC c/o Agentstvo Van
Lear, LLC*

Все права защищены.

*Никакая часть данной книги не может быть воспроизведе-
на в какой бы то ни было форме без письменного разреше-
ния владельцев авторских прав.*

© Sonali Deraniyagala, 2013 This edition is published by
arrangement with Trident Media Group, LLC and The Van Lear
Agency, LLC

© Перевод на русский язык, издание на русском языке,
оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

Александре и Кристиане

ОТЗЫВЫ

Самая поразительная хроника горя, которую я когда-либо читала... Я не плакала – мне казалось, что сердце у меня вот-вот остановится. ...Сонали Дераньягала мужественно и бескомпромиссно выполнила главную задачу мемуариста: рассказать все как есть, невзирая на цену и последствия. В результате на свет появилась незабываемая книга – не только беспощадно честная, но и до краев наполненная светом.

Шерил Стрейд, The New York Times Book Review

«Волна» – это пронзительная хроника потери. Отсутствие близких, вся пустота и боль так мощно переданы в каждом слове, что в итоге возникает новая форма жизни, новое существо, сотканное из горя, памяти и негасимой любви.

Абрахам Вергезе, автор романа «Рассечение Стоуна»

Редко в руки читателя попадает история такой силы и такой поэтической простоты... Стихийное бедствие пощадило автора книги, но сама она не щадит себя ни в чем. «Волна» – прекрасный дар читателям.

Мэри Карр, автор романа Lit

Эта книга излучает свет... Запредельность человеческого опыта, которую описывает Сонали Дераньягала, привлекает наше внимание, но

удерживает его красота изложения... Литературный талант писателя не подлежит сомнению. «Волна» – небольшая книга, но в ней заключена огромная мощь.

Журнал Salon

Потрясающая, убийственно честная история горя... «Волна» – одна из самых памятных книг о любви и семье, какие мне довелось открывать в жизни. Ее нельзя сравнить ни с чем. Она обязательна для прочтения.

Газета The Sunday Times

Нам, читателям, оказана высокая честь: наблюдать, как Сонали Дераньягала при помощи слова воскрешает свою прекрасную утраченную семью. Но, конечно же, в результате этого священнодействия перед нами с ослепительной четкостью вырисовывается ее собственный портрет: женщины, которая в нынешней жизни несет отзвук иной, ушедшей, но вечно памятной.

Газета San Francisco Chronicle

Незабываемая книга... Поразительно, что Сонали Дераньягала выжила. Однако она ведь не просто выжила, а сама сотворила чудо: сумела так полно вернуть к жизни погибших родных, что, кажется, можно расслышать их дыхание.

Журнал Vanity Fair

Мужественная, честная и бесконечно щедрая книга. Больше всего меня поразило, как много в ней света. Сонали Дераньягала пишет об утрате с нежностью и

смирением. «Волна» – повесть о смерти, до краев наполненная жизнью.

Газета The Globe and Mail

Книга невероятной силы... Беспощадная анатомия горя, мужественная, начисто лишенная сентиментальности хроника невообразимой потери и медленного исцеления. Она меняет и расширяет наши представления о том, что такое любовь.

Журнал More

Страшная в своей простоте, но при этом возвышающая история... Мастерское владение словом говорит о незаурядном литературном даре... Блестящая книга. Читая ее, испытываешь, наверное, почти такой же мощный катарсис, как и автор, когда ее писала.

Журнал Kirkus Reviews

Короткими, простыми, невыносимыми предложениями Сонали Дераньягала рассказывает о своем горе – словно пишет путеводитель по стране, куда не хотел бы попасть ни один из нас. В ее словах – разрушительная сила природного катаклизма.

Джоанна Коннорс, газета The Plain Dealer

Эту пронзительную книгу невозможно забыть: она проводит нас по лезвию, безжалостно разделившему жизнь на «до» и «после».

Майва Мессер, Everyday Ebook

Один

Шри-Ланка, национальный парк «Яла», 26 декабря 2004 года

Поначалу я не заметила ничего особенного. Океан будто бы чуть ближе придвинулся к нашей гостинице. Вот и все. Языки белой пены, приподнявшись, дотянулись до дальней кромки пляжа. Мы еще ни разу не видели, чтобы эта песчаная полоска была покрыта водой. На что, кстати, обратила мое внимание подруга Орланта, незадолго до того постучавшая к нам в номер, чтобы спросить, готовы ли мы к отъезду. У нас почти все было собрано. Стив принимал душ или, скорее, зачитавшись, сидел на унитазае. Наши мальчишки возились с рождественскими подарками где-то на задней террасе.

Мы находились на юго-восточном побережье Шри-Ланки, в национальном парке «Яла». Там водятся редкие белобрюхие орланы – птицы, приводившие Викрама в неопиcуемый восторг. В свои неполные восемь Викрам знал о птицах побольше иного орнитолога. Около лагуны, позади нашей го-

стиницы, как раз гнездилась пара орланов. Викрам часами просиживал на камне у самой воды, высматривая своих любимцев. Они исправно прилетали каждый день, безотказные, словно зубная фея.

Мы провели здесь четыре дня в компании моих родителей. Еще через несколько дней я, Стив и мальчики должны были вернуться домой, в Лондон. В «Ялу» мы приехали из Коломбо¹ сразу после скрипичного концерта, в котором принимал участие и наш Малли. Он не то чтобы проявлял особый интерес к скрипке, но обожал стоять на сцене. Весь концерт он весьма убедительно подражал своей маленькой соседке, ритмично водя смычком туда-сюда. «Гляди, мам! Он же просто притворяется!» – прошептал мне Вик, восхищенный нахальством пятилетнего брата.

В наши приезды на Шри-Ланку Малли брал уроки музыки у моей подруги Орланты. Она на несколько лет перебралась из Лос-Анджелеса в Коломбо, где собрала вполне процветающий детский оркестр, назвав его «Струнные на морском берегу» (Strings by the Sea).

И вот стоим мы с Орлантой в дверях нашего номера и болтаем. Мы случайно оказались в «Яле» вместе – она привезла сюда родителей, прилетевших на отдых из Штатов. Наблюдая за выходками моих мальчишек, подруга сказала, что уже не прочь завести семью в обозримом будущем. «Но то, что

¹ Коломбо – крупнейший город и неофициальная столица Шри-Ланки. Здесь и далее прим. ред.

у вас, ребята... о таком можно только мечтать», – вздохнула она.

Именно в тот момент Орланта и заметила волну. «О господи! Море идет сюда!» – вот как она сказала. Я оглянулась, но не увидела ничего из ряда вон выходящего. Или угрожающего. Только белый гребень большой волны.

Но обычно из нашего номера не был виден прибой. Мы даже сам океан едва различали. Всего лишь где-то там, за широким песчаным пляжем, круто сбегавшим к воде, – блестящая голубая полоска. Теперь же белая пена поднялась по склону и уже почти добралась до высоких хвойных деревьев, растущих на полдороге между нашим номером и кромкой океана, – деревьев, казавшихся несуразными гигантами в краю низкорослых колючих кустарников. Выглядело это немного дико. Я позвала застрявшего в ванной мужа:

– Стив, иди сюда! Погляди, как странно, – мне было бы жаль, если он пропустит такое зрелище. Хотелось, чтобы он поскорее вышел, пока не опала вся пена.

– Сейчас иду, – пробормотал Стив, явно не собираясь топиться.

Затем пены стало больше. И еще больше. Вик сидел около входа на заднюю террасу и читал первую страницу «Хоббита». Я сказала ему закрыть двери. Сын молча закрыл все четыре створки двойных стеклянных дверей, а потом подошел и встал рядом со мной. Он не произнес ни слова, даже

не спросил, в чем дело.

Пена превратилась в волну. Волна как бы прыгнула, захлестнула пляж и пошла дальше. Это было странно. На моей памяти море ни разу не поднималось так высоко. Волна не откатывалась и не опадала. Вот она подступила еще ближе. Серо-коричневая. Коричневая или серая. Волна пронеслась мимо хвойных деревьев и явно приближалась к нашей комнате. Она все наполнялась и завихрялась. Внезапно вода остервенела. И сразу стала угрожающей. «Стив! Выходи немедленно!»

Муж выскочил из ванной, завязывая саронг, и увидел, что творится. Мы не произнесли ни слова.

Я схватила Вика и Малли, и мы все вчетвером вылетели в переднюю дверь. Я бежала впереди Стива, волоча за собой сыновей. «Дай мне одного! – крикнул Стив и протянул руку. – Дай одного мне!» Я не слушала его. Тогда мы на секунду бы, но остановились, а времени не было. Надо было бежать изо всех сил. Это я знала. Но я понятия не имела, от чего мы бежим.

Я не зашла за родителями. Даже не постучала в дверь их номера, который был рядом с нашим, правее по коридору. Не окликнула, не предупредила их. Пробегая мимо их двери, я на секунду задумалась, что надо крикнуть, но нельзя останавливаться. Это задержит нас. Нужно продолжать бежать. Бежать! Я крепче ухватила сыновей за руки. Выбраться, надо отсюда выбраться!

Мы мчались к подъездной аллее перед гостиницей. Мальчики не отставали, не спотыкались, не падали. Они бежали босиком, не замечая ни острых камней, ни колючек. Никто из нас не произнес ни слова, раздавался только громкий звук наших шлепавших по земле ног.

Впереди уже отъезжал джип, но остановился, когда мы выскочили на дорогу. Это был большой джип для сафари с открытым кузовом и брезентовым верхом. Машина ждала нас, и мы побежали изо всех сил. Я буквально швырнула Викрама в кузов, и он упал лицом на рифленый металлический пол. Стив запрыгнул следом и поднял его; затем вскарабкались мы с Малли. Стив усадил Вика к себе на колени, я села напротив и взяла младшего. За рулем сидел незнакомый парень.

Наконец я осмотрелась и не обнаружила ничего необычного. Никакой вокруг бурлящей воды – только наша гостиница. Все выглядело так, как и должно выглядеть: длинные корпуса с черепичными крышами, открытые галереи с коричневым плиточным полом, пыльная оранжеватая дорога с дикими кактусами по обеим сторонам. Все на месте. «Наверное, вода уже ушла», – подумала я.

Пока мы бежали, я не замечала Орланту, но, видимо, она была совсем рядом, потому что оказалась в том же джипе. Ее родители выскочили в коридор в одно время с нами, и теперь Антон, ее отец, уже сидел в кузове, а Беула, ее мать, карабкалась следом. Мотор взревел, джип рванул, и она упала

прямо на дорогу. Водитель этого не увидел. Я крикнула ему, чтобы остановился. Я кричала и кричала, что сзади упала женщина, но он все ехал. Она лежала на дороге и смотрела нам вслед. Казалось, на лице у нее осталась едва заметная растерянная улыбка.

Когда Беула упала, Антон свесился и попытался ухватить ее за руку, но не сумел и спрыгнул сам. Теперь они оба лежали на гравии, но я уже ничего не стала кричать водителю. Он ехал очень быстро. «И правильно. Надо выбираться отсюда. Скоро мы будем уже далеко от гостиницы», – подумала я.

Мои родители остались где-то там, позади. Теперь меня охватила паника. Позови я их, когда мы бежали по коридору, они могли бы сейчас быть с нами.

– Мы бросили папу с мамой! – крикнула я Стиву.

Викрам заплакал. Стив крепче обхватил его, прижал к груди.

– С ними все будет в порядке. Они приедут на следующей машине, вот увидишь, – сказал Стив.

Вик перестал плакать и положил голову отцу на плечо. Уверенность Стива успокоила и меня. Конечно, он прав. Сейчас никаких волн нет. Мама с папой спокойно покинут свой номер. Мы выберемся отсюда первыми, а они – за нами. Я живо представила, как отец выходит из гостиницы: везде лужи, у него закатаны штаны. «Позвоню маме на мобильный, как только доберусь до телефона», – пообещала я себе.

Мы уже проехали всю подъездную аллею и теперь долж-

ны были свернуть направо – на грунтовую дорогу, что шла вдоль лагуны. Стив смотрел вперед и нетерпеливо притопывал по железному полу кузова, как бы погоняя: «Скорее! Шелитесь!»

Вдруг джип оказался в воде. Вода хлынула внезапно, прямо в кузов. Она уже захлестнула колени. Откуда она вилась? Я не видела никаких волн. Должно быть, прорвалась из-под земли? Да *что* происходит? Джип медленно продвигался вперед. Я слышала, как ревет и кашляет мотор. «Ничего, проедем и по воде», – подумала я.

Нас кидало из стороны в сторону. Вода поднималась и заполняла машину. Она доходила уже до груди. Мы со Стивом как можно выше подняли детей. Стив держал Вика, я – Малли. Лица их пока были над водой, макушки упирались в брезентовый верх. Мы крепко-крепко держали их за подмышки. Джип качнуло, и он поплыл – колеса больше не касались дороги. Мы старались удержаться на сиденьях. Никто из присутствующих не сказал ни слова. Ни один не проронил ни звука.

И тут я посмотрела на Стива. Я никогда не видела такого лица у своего мужа. Ужас застыл в его широко распахнутых глазах, рот приоткрылся. Он увидел что-то у меня за спиной. Что-то, что я не могла видеть, – я не успела повернуться и посмотреть, что происходит.

Потому что все перевернулось. Джип завалился. На мою сторону.

Боль. Она заполонила все. Где я? Что-то со страшной силой давило мне на грудь. «Это джип. Я застряла под ним, и сейчас он меня расплющит», – думала я. Я попыталась как-то отпихнуть от себя этот груз или выбраться из-под него. Но лежавшее на мне было слишком тяжелым и по-прежнему неумолимо раздавливало грудную клетку.

На самом деле я ни под чем не застряла. Напротив, я уже точно могла сказать, что двигаюсь. Мое тело корчилось, меня крутило и вертело в разные стороны.

«Я под водой? Но на воду это мало походит. Что же это такое?» – подумала я. Меня куда-то тащило. Мое тело кидало в разные стороны. Прекратить это я не могла. Иногда я приоткрывала глаза, но воды не видела. Вокруг было что-то серое, туманное – больше ничего не разобрать. И грудная клетка. Грудь ужасно болела, будто ее расплющило огромным валуном.

Это сон. Один из тех снов, когда все время куда-то падаешь и никак не можешь проснуться. Теперь я была в этом уверена. Я ущипнула себя – ущипнула раз, другой. И еще, и еще. Я чувствовала щипки через брюки, вот только не просыпалась. Вода тащила меня со скоростью, которой я не могла даже вообразить, швыряла с силой, которой нельзя было сопротивляться. Меня несколько раз проволокло через кроны деревьев, через выдранные с корнями кусты; время от времени локти и колени бились обо что-то твердое.

Если это не сон – значит, я умираю. Как еще объяснить такую чудовищную боль? Джип перевернулся, и теперь что-то убивает меня. Разве это возможно? Я же только что была в гостинице, в нашем номере. Я только что была с детьми. С моими мальчиками. Сознание немного взбодрилось и теперь мучительно пыталось сосредоточиться. Вик и Малли. Нет, *нельзя* умирать. Я *должна* выжить ради сыновей.

Вот только тяжесть в груди была просто невыносима. Хотя бы боль прекратилась! Если я все-таки умираю, пожалуйста, поторопись – давай поскорее.

«Но я не хочу умирать, у меня же такая прекрасная жизнь. Я не хочу, чтобы она заканчивалась, мы столько еще всего могли бы сделать», – подумалось мне. Однако теперь надо было отдаться на волю неведомой, неумолимой силы. Я это чувствовала. Я умру. Я ничто по сравнению со стихией, которая меня захватила. «Что поделаешь – все кончено, совсем кончено», – я сдалась, примирилась с неизбежностью. Но пока меня кружило в потоке, я чувствовала дикое разочарование, что моя жизнь должна вот-вот оборваться.

Нет, этого просто не может быть. Ведь только что я стояла в дверях, болтая с Орлантой. Какое слово она тогда произнесла? *Мечта*? «...То, что у вас, ребята... о таком можно только мечтать» – да, так она и сказала. Слова подруги всплыли у меня в памяти, и я мысленно выматерила ее за них.

Совершенно внезапно я увидела бурую воду. Серый туман кончился. Вокруг – бурлящая коричневая вода. Вода, уходящая вдаль, до самого горизонта. Теперь вся эта вода была моей, и она по-прежнему меня куда-то тащила с бешеной скоростью. Ухватиться было не за что. Но на что-то меня швырнуло. Рядом, в том же водовороте, кружилось несколько деревьев. Как же так? Что это все значит? Только что я находилась в нашем номере с Виком. Ну да... Он собирается надеть футболку Английской крикетной команды. Мы скоро выезжаем назад, в Коломбо. Я раскладываю футболку на кровати. «Должно быть, это все просто сон», – в какой раз подумала я. Во рту сплошная соль. Вода резко хлестнула по лицу, попала в нос и словно обожгла мозг. Но боль в груди прекратилась – чего я долгое время не замечала.

Меня перевернуло на спину. Какое безоблачное синее небо. Надо мной клином летели аисты, вытягивая длинные шеи. Летели в том же направлении, куда вода несла меня. «Нарисованы», – подумала я. Эти птицы будто выписаны на небе. Полет нарисованных аистов. Я тысячу раз видела эту картину в заповеднике. Привычное зрелище увлекло меня прочь от бешеной воды. На минуточку-две я оказалась рядом с Виком. Запрокинув головы, мы глядели в синее небо над «Ялой», где клином тянулись аисты, и мы смеялись, потому что они были похожи на птеродактилей.

«Вик и Малли. Что бы ни случилось, я не могу себе поз-

волить умирать. Мои мальчики», – снова подумала я.

Ко мне несло какого-то ребенка. Мальчика. Он держал голову над водой и кричал: «Папа, папа!» Он за что-то цеплялся. Наверное, это было сломанное автомобильное сиденье – из него торчал мокрый желтый поролон. Мальчик лежал на нем, как на бодиборде. Издали мне показалось, что это Мали. Я попыталась доплыть до него. Вода сразу ударила в лицо и потащила назад, но все-таки мне удалось немного приблизиться. «Иди к маме!» – крикнула я, но тут же увидела лицо мальчика. Это был не Мал. В следующий миг меня отшвырнуло в сторону, а мальчик пропал из виду.

Тело вновь закрутило, его понесло бурным потоком и потащило через пороги. Рядом был какой-то мужчина, вода его тоже вертела и бросала. Тело его лежало лицом вниз. На нем была черная футболка, и только. «Это Стив? – спросила я себя. – Наверное, Стив, его саронг размотался». Сначала я думала об этом спокойно, потом запаниковала: «Нет, только не Стив. Пожалуйста, пусть это будет не он».

Впереди над водой нависала ветка. Меня несло к ней – по-прежнему на спине. «Необходимо ухватиться за эту ветку. Не знаю как, но надо», – приказала я себе. Я знала, что меня будет быстро гнать под нею. Значит, следует заранее поднять руки, чтобы не упустить момент. Вода била по лицу, но я старалась не сводить глаз с ветки. Очень скоро я оказалась под ней и попыталась зацепиться, но ветка была уже почти позади. Я вытянула руки назад и все-таки сумела ухватиться

за какой-то сук.

Мои ноги коснулись чего-то твердого. Земля.

Мне никак не удавалось сфокусировать взгляд, но наконец я рассмотрела поваленные вокруг деревья. Я смогла уяснить, что вижу лежащие на земле стволы с вывороченными корнями. Это что, трясина? Я попала в какое-то бескрайнее болото. Все кругом было одного бурого цвета – совсем не похоже на заповедник с его сухой, потрескавшейся почвой в зеленой поросли кустарника. Что за опрокинутый, сбитый с ног мир? Это и есть конец света?

Я не могла распрямить спину и согнулась пополам, села на землю и обхватила колени руками, задыхаясь и кашляя. Во рту был песок. Меня вырвало им и кровью. Отплевывалась я долго. Соль. Одна соль! Тело было очень тяжелым. Мокрые брюки с налипшим на них песком не давали мне идти, и я их скинула. Но где волны? Что с ними случилось? Вокруг были лужи стоячей воды и никаких волн. Это озера или лагуны?

На ногах я не держалась – они увязали в мокрой глинистой земле. Я обвела взглядом неизвестное мне место, все еще пребывая в надежде, что это сон, но уже со страхом осознавая действительность.

И только тогда я задумалась обо всех остальных. Что с ними? Неужели они погибли? Наверное. Они, должно быть, мертвы. «Что мне делать без них?» – подумала я. По-прежнему отплевываясь и задыхаясь, я окончательно потеряла равновесие и опустилась в грязь.

До меня донеслись голоса. Сначала далекие, потом все ближе и ближе. Какие-то мужчины перекрикивались на сингальском языке. Ни они не могли видеть меня, ни я их. «Muhuda goda gahala. Mahasona a avilla», – прокричал один из них. Я разобрала, что он сказал: «Океан разлился. Пришел Махасона». Мне было даже известно слово *махасона*. Но что означало сказанное? В последний раз я слышала про Махасону в детстве от нашей няни. Она рассказывала про злых духов и демонов. Махасона – это демон кладбищ². Даже в том состоянии полного потрясения, в котором я тогда находилась, до меня дошло главное: случилось что-то чудовищное; повсюду смерть, – вот о чем кричал тот мужчина.

Снова послышался этот же голос: «Эй, живые есть? Не бойтесь, вылезайте. Вода ушла. Мы здесь, чтобы помочь вам».

Я не шевельнулась, не издала ни звука – слишком устала и не могла говорить. Затем послышался детский голос: «Помогите! Спасите! Меня унесло водой».

Я услышала, как мужчины подошли ближе в поисках ребенка. Сама я молчала, согнувшись и обхватив колени руками.

² Древний сингальский кладбищенский демон – *яка Махасона* – в современном народном сознании представляется огромным человеком с клыкастой волчьей или медвежьей головой, поднимающим одной рукой слона; его появление среди людей вызывает холеру, дизентерию и другие тяжелые болезни. См.: *Краснодембская Н. Г.* Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982; *Она же*. Будда, боги, люди и демоны. СПб.: Азбука-классика, 2003.

ми.

Мужчины заметили меня, подбежали. Со мной заговорили, но я не отвечала. Мне сказали, что надо идти с ними, надо спешить, а то как бы не пришла еще одна волна. Я мотала головой и отнекивалась. «Я так измучена. Да и без своих мальчиков – куда я уйду? Вдруг они выжили? Вдруг они где-то рядом? Я не смогу бросить их здесь», – но ничего этого я не сказала вслух, не смогла. Я даже не смогла попросить этих людей поискать моих сыновей. Не смогла рассказать, что нас выбросило из джипа прямо в воду. Скажи я это им – и все сразу станет правдой.

Мужчины не могли долго ждать – им надлежало двигаться дальше. Они немного посоветовались между собой. Оставлять здесь меня было нельзя. «Но мы не можем забрать ее вот так. Она же без штанов», – сказал один из них. «Что?» – подумала я.

Мужчина снял с себя рубашку и обвязал ее мне вокруг талии. Они тащили меня за собой; тело все еще оставалось тяжелым и непослушным, ноги волочились по грязи. Иногда мы по колени проваливались в липкую слизь. Несколько раз я падала в нее, и меня вытаскивали.

Под кустом лежал мужчина в одной лишь набедренной повязке. Один из спасателей подошел к нему и сразу вернулся. «Мертвый», – сказал он и назвал имя, которое я узнала. Это был рыбак; он жил в небольшой хижине на берегу, недалеко от гостиницы. Мы со Стивом иногда к нему подходили; он

все пытался продать нам раковины. Мальчишки прижимали их к уху, чтобы послушать шум прибоя. Я отвернулась от этого человека, теперь неподвижно лежащего на песке. Мне никого не хотелось видеть мертвым.

Меня отвели к какому-то фургону, и мы немного проехали. Фургон остановился, и я наконец поняла, где нахожусь: у кассы при входе в национальный парк. Я хорошо знала это место. Я бывала тут тысячи раз, приезжала еще в детстве. Здесь мы покупали билеты и дожидались зрителей, которые водили нас по заповеднику. Иногда Вик и Малли заходили в маленький музей, находящийся в том же здании. У входа в музей было два гигантских слоновьих бивня.

Здание выглядело ничуть не изменившимся. Стояло целехонькое. Никаких следов воды, никаких вывороченных деревьев. Лицо оведал сухой ветер – вполне привычный ветер.

Мужчины вытащили меня из фургона и отнесли внутрь. Я увидела знакомые лица кассиров и музейных служащих. Они смотрели на меня с тревожным сочувствием. Я отвернулась. Не хотелось, чтобы они видели меня такой – трясущейся, насквозь промокшей, полуголой.

Я присела на бетонную скамейку в музее. Это было строение со слегка облупившимися зелеными стенами и крышей, которую поддерживали деревянные стояки и распорки. Я прижала колени к груди и молча уставилась на деревья *палу*³ за окном. Неужели это было на самом деле – все то,

³ Народное название манилкары шеститычинковой (*Manilkara hexandra*) –

что произошло? И была та вода? Мое измученное сознание все еще не могло разобрать, где сон, а где явь. Мне хотелось остаться в призрачном мире, в полном неведении. Поэтому я ни с кем не заговаривала. Никого ни о чем не расспрашивала. Где-то зазвонил телефон. Его никто не брал, и он все звонил и звонил... Звук был громкий, мне хотелось, чтобы он прекратился. Хотелось навсегда остаться в этом оцепенении и просто смотреть на кроны деревьев.

И все-таки меня не оставляли мысли: «А вдруг они выжили? Вдруг сюда сейчас привезут Стива и мальчиков? Может, их всех тоже нашли – ведь нашли же меня? Наверное, их привезут всех вместе, и дети будут цепляться за Стива: “Папа, папа”. Наверняка с них сорвало рубашки. Значит, будут трястись от холода. Стоит Вику поплавать в прохладной воде, и у него зуб на зуб не попадает».

Подъехал белый фургон. Из него вынесли девочку. Лицо ее было в кровоподтеках, в волосах застряли ветки. Я ее узнала: она с родителями жила в соседнем номере. «Вик и Малли будут такими же мокрыми и перепуганными. Будут ли и у них ветки в волосах? Они ведь оба были у парикмахера прямо перед отъездом из Лондона. Их стрижки...» – и на этом я потеряла мысль.

Рядом со мной на скамейке сидел мальчик лет двенадцати или чуть старше. Тот самый мальчик, что звал на помощь, когда меня нашли. Нас с ним привезли в одном фургоне. Те-

перь он без умолку разговаривал, то и дело срываясь на крик. Где его родители? Он хочет к родителям, они все вместе застряли в гостинице, увидели волны, побежали, его смыло и унесло. Мальчик повторял это снова и снова, но я не обращала внимания. Я не ответила ему ни словом, ни даже взглядом, будто не замечая его присутствия.

В конце концов он расплакался. «Они умерли?» – все спрашивал он про родителей. На нем были только шорты. Он дрожал всем телом и лягал зубами. Потом он встал и начал бродить вдоль стеклянных стендов со скелетами питонов и болотных крокодилов. Еще там было гнездо птицы-ткача, которое всегда завораживало Вика. «Гляди, Малли, оно прямо как дом. Видишь, оно даже разделено на комнаты!»

Мальчик все кружил по залу и плакал. Мне хотелось, чтобы он остановился. Кто-то принес большое полотенце и накинул ему на плечи. Он по-прежнему рыдал. Я с ним так и не заговорила, не постаралась утешить. «Да перестань ты реветь, заткнись уже. Ты выплыл только потому, что жирный. Вот почему ты выжил. Ты удержался на воде из-за жира. У Вика и Малли не было ни единого шанса. Просто заткнись», – вот о чем думала я.

Меня отправили в больницу на каком-то джипе. Водитель, чрезвычайно дерганый и встревоженный, сказал, что не знает, где его семья. Он ехал в больницу искать своих. Они остались в гостинице, как и мы, а он с утра пораньше отпра-

вился на сафари. Ушел один. Когда пришла волна, в гостинице его не было. Водитель говорил мне это очень громко, повторяя слова о своей семье снова и снова. Я сидела рядом с ним и молчала. Меня била крупная дрожь. Я глядела прямо перед собой. По обеим сторонам дороги темнел густой лес. На дороге никого, кроме нас, не было.

На заднем сиденье джипа находился еще один человек. Я узнала его – официант из нашей гостиницы. В руке он сжимал мобильный телефон и высовывал его из окна, поднимая руку как можно выше. Причем он все время перескакивал от правого окна к левому. «Ловлю сигнал», – объяснял он. Все его телодвижения... они были невыносимы; каждый его прыжок и толчок на сиденье отдавался в моем теле. Я еле сдерживала себя и непрерывно думала об одном: «Ну почему ты не можешь просто сидеть? *Сидеть тихо?*» Хотелось вышвырнуть его телефон из окна.

«Может быть, они в больнице. Стив и мальчики. И даже мама с папой. Их могли уже найти и отвезти туда» – эта мысль застряла в голове, хотя я и гнала ее. Нельзя было давать волю надежде. Следует быть готовой к тому, что я их не найду. Но если бы они там *были*, то переживали бы за меня. Я молила про себя, чтобы джип ехал быстрее.

Когда мы подъехали к больнице, навстречу машине кинулся Антон, отец Орланты. Он был без рубашки, в изорванных брюках; пальцы на ногах кровоточили. Антон растерянно заглянул в джип. «Почему Орланта не с вами? Где Стив

и мальчики?» – спросил он. Он решил, что это тот самый джип, в котором мы отъехали от гостиницы, оставив их с женой лежать на дороге. Я объяснила, что это другая машина и что мне ничего не известно про остальных. Не упомянув о своей надежде найти их здесь, в больнице. Теперь мне стало ясно: их нет.

Кое-как я дотащилась до приемного отделения. Ноги болели и подкашивались. Я осмотрела их и увидела глубокие кровоточащие раны на щиколотках; ступни тоже были в порезах. Что случилось? Мой разум отказывался воспринимать происшедшее.

Вокруг меня находились все время что-то говорящие люди. Разговаривать мне ни с кем не хотелось, поэтому я встала в сторонке. Помещение было небольшое, но голоса доносились как будто издали. Кто-то обратился ко мне, тронув меня за плечо: «Это была приливная волна. Очень высокая приливная волна». Стараясь выглядеть непринужденно, я кивнула, сделав вид, что давно уже все знаю. Однако... приливная волна – это слишком конкретно. Такое не выдумаешь. Сердце упало. Я опустилась на деревянную скамью, стоявшую в углу у стены, лицом ко входу.

Они все еще могут сюда войти. На Шри-Ланке не бывает высоких приливов. Эти люди сами не знают, о чем говорят. Образ Стива, идущего с нашими мальчиками, продолжал выжигать мозг. Вот Стив подходит к двери, на одной его руке – Вик, на другой – Малли, все трое практически разде-

ты... «Но они не могли выжить, просто не могли», — строго одернула я себя. И все-таки тихонько безнадежно бормотала, что всякое возможно, что есть еще самый слабенький шанс.

В больничный двор периодически заезжали фургоны и грузовики. Все происходило очень быстро: хлопали двери, слышались громкие голоса, кто-то самостоятельно выбирался из машин, кого-то выносили; сестры и врачи выбегали во двор, каталки грохотали по пандусу. Одну женщину положили на скамью рядом со мной. Ее длинные волосы были спутаны и закрывали лицо. Она бормотала что-то бессвязное. Ее прикрыли простыней, так как она была совсем голой, но из-под простыни торчали ноги, покрытые засохшей грязью. Я не могла отвести взгляда от слизи в ее волосах — то были водоросли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.